DOI 10.15826/izv2.2024.26.4.059
УДК 821.161.1 Пушкин +
+ 821.161.1-93 Авенариус +
+ 82.091 + 028.5 + 087.6

И. С. Юхнова
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

ДИЛОГИЯ В. П. АВЕНАРИУСА «ПУШКИН» (1909–1913) В КРУГЕ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

В статье, посвященной анализу дилогии В. П. Авенариуса «Пушкин» (1909–1913), рассматривается формирование канона биографического повествования о судьбе поэта. Цель работы — показать, какими принципами руководствовался писатель, создавая биографию Пушкина, выявить основные приемы изложения сведений о его жизни и повествовательные стратегии, используемые автором. В статье раскрывается история создания дилогии, показано, какие художественные задачи ставил Авенариус и как их решал, работая с биографическим и историко-культурным материалом. Методологическую основу исследования составили биографический, культурно-исторический, типологический методы исследования, а также метод описательной поэтики. В ходе исследования было показано, что В. П. Авенариус целенаправленно работал над формированием круга «правильного» детского чтения, которое выполняло бы просветительские и воспитательные задачи. Особенностью биографической дилогии Авенариуса стало рассмотрение биографии и творчества Пушкина в единстве. Писатель отбирает важные для становления личности поэта события и вехи его жизни, подробно знакомит с обстоятельствами поступления в лицей и особенностями лицейского обучения. Соблюдая принцип фактической точности и достоверности в изложении фактов, Авенариус вместе с тем додумывает эмоции Пушкина, использует внутренние монологи, чтобы передать его переживания и оценки.

В статье показано, как Авенариус включает в повествование сведения об истории и культуре России. Выявлено две основных формы расширения историко-культурного фона: диалог и комментарий. С помощью диалогов восстанавливаются смысловые лакуны, уточняется ход событий, обозначаются позиции

© Юхнова И. С., 2024
CC BY-NC

героев, их личные оценки. Диалог придает повествованию динамизм. Отмечено, что Авенариус включает в произведения фрагменты документов, журнальные заметки, высказывания современников. Важную роль в повествовании играют экскурсы в будущее, когда показывается, как то или иное событие входит в культурную память.

Ключевые слова: Пушкин; Василий Авенариус; биография Пушкина; детское чтение; дилогия; комментарий; научно-популярная литература

Цитирование: *Юхнова И. С.* Дилогия В. П. Авенариуса «Пушкин» (1909–1913) в круге детского чтения // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 4. С. 61–71. https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.059

Поступила в редакцию: 10.04.2024
Принята к печати: 11.11.2024

Irina S. Yukhnova
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia

V. P. AVENARIUS'S *PUSHKIN* DILOGY (1909–1913) IN THE CIRCLE OF CHILDREN'S READING

This article analyses V. P. Avenarius's dilogy *Pushkin* (1909–1913) and explores the formation of the canon of biographical narrative about the poet's fate. The purpose of the work is to demonstrate which principles the author adheres to while creating Pushkin's biography, uncover his main techniques of presenting the facts of Pushkin's life, as well as narrative strategies. The article illuminates the genesis of the trilogy, delineating the creative challenges posed by Avenarius and elucidating his methodologies for addressing them through the integration of biographical, historical, and cultural materials. The research methodology is based on a combination of biographical, cultural-historical, and typological research methods, as well as the method of descriptive poetics. In the course of the research, the author demonstrates that Avenarius deliberately constructed a series of works that were deemed suitable for children's reading. The defining aspect of Avenarius's biographical trilogy is its integrated examination of Pushkin's life and artistic output. The writer selects significant events and milestones from the author's life that contributed to the formation of the poet's personality. In addition, the writer provides a detailed account of the circumstances surrounding the author's admission to the lyceum and an analysis of the characteristics of lyceum education. Adhering to the principles of factual accuracy and reliability in the presentation of facts, Avenarius speculates on Pushkin's emotions and uses internal monologues to convey his experiences and assessments.

The article illustrates how Avenarius incorporates facts about Russian history and culture into the narrative and identifies two principal methods of expanding the historical and cultural background: dialogue and commentary. The former

assist in the restoration of semantic gaps, the clarification of the sequence of events, the delineation of the characters' positions and their personal assessments. In addition, the aforementioned elements help in the restoration of semantic gaps, the clarification of the sequence of events, the delineation of the characters' positions, and the delineation of their personal assessments.The dialogue also makes narrative more dynamic. The author also notes that Avenarius includes fragments of documents, journal notes, and statements of contemporaries into his works. Glimpses into the future also play an important role in the narrative, when it is shown how an event becomes incorporated into cultural memory.

Keywords: Pushkin; Vasily Avenarius; Pushkin's biography, children's reading; dilogy; commentary; popular science literature

For citation: Yukhnova, I. S. (2024). Dilogiia V. P. Avenariusa "Pushkin" (1909–1913) v kruge detskogo chteniia [V. P. Avenarius's *Pushkin* Dilogy (1909–1913) in the Circle of Children's Reading]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 26*(4), 61–71. https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.059

Submitted: 10.04.2024
Accepted: 11.11.2024

Г. О. Винокур в статье «Ранние биографии Пушкина» (1937) отметил: «Количество биографических работ по Пушкину неисчислимо, но биографий Пушкина очень мало, а хороших биографий Пушкина почти совсем нет» [Винокур, с. 16]. Через 60 лет И. З. Сурат констатирует тот же самый факт, а главную сложность видит в том, что пушкинская биография «далеко выходит за рамки историко-литературной науки... захватывает собою узловые вопросы нашего культурно-исторического сознания и самосознания» [Сурат, с. 38].

Между тем и научно-популярных, и беллетристических биографических повествований о Пушкине действительно существует огромное количество. Они разные и адресованы разным категориям читателей. И в этом ряду, пожалуй, самым сложным адресатом является ребенок. Сложным потому, что, во-первых, необходимо найти правильный стиль изложения, выстроить повествование так, чтобы в нем не было упрощения, излишней эмоциональности и оценочности, дидактизма, не было фальшивого заигрывания с читателем; во-вторых, у читателя-ребенка пока еще нет большого круга контекстных знаний (того, что Д. С. Лихачев называл «активным культурным фондом» [Лихачев, с. 58] читателя), а потому остро встает проблема комментария, так как многие факты, явления требуют пояснения, такого включения в повествование, чтобы их смысл проявлялся, высвечивался, становился понятным без дополнительных развернутых уточнений. В XXI в. эта проблема стоит особенно остро, так как именно этих фоновых знаний по истории, культуре, литературе у ребенка стало значительно меньше, а потому сами требования к литературе, репрезентирующей знания, стали другими.

На этом фоне важно обратиться к опыту предшественников, к истокам появления первых беллетризированных биографических книг о Пушкине

для детей и подростков, — в частности, к творчеству Василия Петровича Авенариуса, который «одним из первых в русской литературе попытался представить читателю образ Пушкина-человека и Пушкина-поэта в единстве» [Казанцева, с. 99]. Целью данной статьи и станет выявление основных форм организации повествования и принципов репрезентации личности Пушкина, используемых В. П. Авенариусом в биографической дилогии о поэте.

В детскую литературу Авенариус пришел не сразу. Начинал он как автор произведений на современные темы, в которых затрагивал острые социальные проблемы, однако быстро понял, что в подобной литературе он вторичен, а потому в 1870-х гг. обратился к детской литературе — стал писать беллетризированные повествования о великих русских людях. И предыдущий литературный опыт — опыт беллетриста — ему очень помог, так как позволил найти адекватную форму повествования, написать о жизни известного человека занимательно, легко и сжато.

Авенариус считал, что необходимо целенаправленно формировать круг «правильного» детского чтения. И не только создавал его своими произведениями, сотрудничал с детскими журналами, но также входил в различные комитеты, которые определяли, достойна ли книга включения в рекомендательные списки для библиотек учебных заведений. Многие произведения самого Авенариуса имели «гриф» «Одобрено и рекомендовано: Ученым Комитетом Министерства народного просвещения для ученических и фундаментальных библиотек средних учебных заведений, мужских и женских; Учебным комитетом при Святейшем Синоде — к приобретению в ученические библиотеки духовных семинарий, мужских духовных и женских епархиальных училищ; Главным управлением военно-учебных заведений — для ротных библиотек кадетских корпусов, и Учебным Комитетом ведомства императрицы Марии — для чтения в трех старших классах и подарков» [Авенариус, 1909, с. I]. Как замечает М. О. Чудакова, «наиболее плодотворно работая в жанре биографических повестей, Авенариус во многом сформировал тот канон занимательного жизнеописания писателя-классика, который содействовал закреплению в историко-литературной традиции донаучных представлений о связях биографии с творчеством» [Чудакова, с. 17].

Дилогия о Пушкине относилась к такого рода литературе для юношества, т. е. входила в круг «правильного» детского чтения, которое решало просветительские и воспитательные задачи. В 1998 г. она была переиздана [Авенариус, 1998], однако представляла интерес уже сугубо историко-литературный.

В предисловии ко второй части дилогии «Юношеские годы Пушкина» Авенариус, констатируя, что «обстоятельных биографий Пушкина до сих пор не существует», говорит об особенностях своих повестей: «...самая форма моего рассказа беллетристическая <...> я старался не упустить из виду ни одного факта, ни одной личности, имевших влияние на развитие характера и таланта Пушкина-лицеиста» [Авенариус, 1913, с. III], а необходимость беллетристической формы объясняет стремлением привлечь как можно большее число читателей.

Структура дилогии обусловлена логикой жизни Пушкина. Первая часть «Отроческие годы Пушкина» — поступление в лицей и первые три года учебы в нем, до смерти директора Малиновского. Вторая часть «Юношеские годы Пушкина» — период «междуцарствия» и последний год, который прошел под директорством Энгельгардта. Однако только лицейскими годами Авенариус не ограничивается — в ходе повествования он указывает на события более позднего времени, а в финале сжато обрисовывает последующий путь Пушкина и лицеистов, завершая свою дилогию историко-литературной оценкой современниками и потомками их деяний. Характерно, как в этой части он обозначает судьбы лицеистов-декабристов, какие определения находит для восстания на Сенатской площади (вспомним, что гриф на книгах Авенариуса указывал на их благонадежность). Так, о судьбе Кюхельбекера он сообщает: «Но роковой для многих русских литераторов 1825 год оказался таковым и для Кюхельбекера. Десять лет несчастный безумец должен был искупать свои заблуждения в стенах тюрьмы, а всю остальную жизнь — в ссылке» [Авенариус, 1913, с. 331]. О будущем Пущина он высказывается следующим образом: «...вскоре Пущина превратная судьба занесла на другой край света — на границу Китая, в Читу» [Авенариус, 1913, с. 329]. Характерно, что современные авторы подробно рассказывают о восстании декабристов, объясняют его причины и обязательно приводят ответ Пушкина на вопрос Николая I, где бы он был 14 декабря 1825 г., если бы находился в Петербурге. Авенариус же находит такие формулировки и так обрисовывает дальнейшую судьбу лицеистов-декабристов, что она предстает как несостоявшаяся, когда таланты, заложенные природой, не реализовались. Само же восстание напрямую не называется, для его обозначения используются эвфемизмы, словесные обороты, намекающие на событие, но в то же время дающие возможность ложной интерпретации. Так, например, понятие «превратная судьба» может пониматься и как неудачи по службе, и как каторга и ссылка, и как некие сугубо личные обстоятельства. То есть, с одной стороны, в отношении событий 1825 г. используется фигура умолчания, с другой — сам подбор слов для указания на них четко определяет авторскую оценку.

На этом фоне знаково обозначена Авенариусом судьба и роль в русской истории князя Горчакова, которая не просто представлена безупречной, но и беспроблемной, что также не соответствует действительности.

Какими художественными принципами руководствовался Авенариус, создавая свои повести?

Прежде всего, он декларирует принцип точности, фактической достоверности, особо оговаривает его в предисловии. Авенариус тщательно собирал все доступные ему сведения о Пушкине. В самой дилогии есть указания на то, что он работал с рукописями поэта, обращался к академику Я. Гроту, который был лицеистом, записывал рассказы преподавателей о Пушкине, собирал материалы к его биографии и документы, связанные с поэтом. Известно, что все подготовительные материалы и первый вариант пушкинской биографии Авенариуса сгорели при пожаре, а эти две повести воссозданы уже после утраты изначального

текста. Многое писателем реконструировалось по памяти, но в полном объеме восстановить ни первоначальный текст, ни тем более подготовительные материалы к биографии Пушкина Авенариусу, конечно, не удалось.

Вторая важная художественная задача состояла в том, что Авенариусу надо было найти способы и формы включения в повествование общекультурных, исторических и прочих сведений, рассказать о быте, правилах общения, культуре, состоянии литературы, литературных спорах, включить сведения о лицее и лицейских преподавателях, о журналах и произведениях, которые читают лицеисты — без них рассказ о становлении личности великого поэта был бы невозможен.

Авернариус решает ее следующим образом: он использует для этой цели диалог и комментарий. Диалог позволяет включить в действие рассказ об историческом событии, о людях, о происшествии, занимательный бытовой анекдот... Тем самым как бы очеловечивается сухой исторический факт, так как о нем рассказывает частный человек, который был или его участником, или свидетелем, или знает о нем со слов очевидцев.

Так, в начале второго тома два диалога (Пушкина с Дельвигом и надзирателя по учебной части Чачкова с матерью Пушкина Надеждой Осиповной) обрисовывают ситуацию в лицее после смерти директора Малиновского. И если в первом случае выражено отношение лицеистов к первому директору, то во втором восстанавливаются события, которые произошли в «лицейское междуцарствие»: Чачков, в частности, подробно рассказывает Надежде Осиповне о Пилецком, попутно сетуя на свои личные трудности. Понятно, что подобный диалог лицейского надзирателя с матерью лицеиста вряд ли был возможен в силу и служебной этики, и социальной иерархии. Однако, доверяя Чачкову рассказ о перипетиях лицейской жизни, Авенариус заполняет разрыв в повествовании, перекидывает мост от первой части дилогии ко второй, воссоздает ход событий.

Таких примеров, когда разговоры героев восстанавливают смысловые лакуны, помогают рассказать об исторических событиях, о жизни вне лицея, множество. Игра лицеистов в лапту прерывается «занимательным рассказом» Сергея Львовича Пушкина о взятии Парижа. Карамзин во время обеда рассказывает о своем распорядке дня, рождении сюжета повести «Бедная Лиза». Василий Андреевич Жуковский делится с юным Пушкиным историей с комедией Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», которая положила начало «Арзамасу». Так же, в диалоге, показывается, как дядя Василий Львович Пушкин вступал в это литературное общество.

Подобным же образом вводятся в повествование и «будущие» темы и сюжеты пушкинских произведений. В главе «Яблочная экспедиция» рассказывается о «нападении» лицеистов на яблоневый сад. Именно в это время Пушкин прислушивается к рассказу сторожа племяннику о Стеньке Разине, кладах, цветке папоротника. Так происходит приобщение юного Пушкина к народной культуре, преданиям и легендам русского народа.

Используются Авенариусом и сноски, в которых поясняются незнакомые юному читателю XIX в. реалии. Сейчас некоторые из них воспринимаются как излишние, поясняющие хорошо известное, но во время создания дилогии они требовали комментария, так как еще не вошли в широкий культурный обиход. Так, например, в повести поясняется, что Михайловское — это имение Пушкиных в Псковской губернии. Другую цель преследуют ссылки к античным именам и реалиям, позволяющие понять суть сравнения, скрытый смысл разговора, реплики, словесную игру.

Кроме того, развернутые уточняющие комментарии даются не только в сносках, но и в самом тексте. В частности, разъясняются правила подвижных игр, которыми были увлечены лицеисты. Таким же образом включаются в повести документы, журнальные статьи и заметки, которые выходили в периодике (например, приводится заметка о лицейском экзамене в «Сыне Отечества»). Кроме того, Авенариус вводит в повествование документы более позднего времени, чтобы передать особенности эпистолярного общения той эпохи, дать представление о документе. Так, он включает в повесть письмо Арины Родионовны Пушкину 1827 г., чтобы у читателя возникло представление о том, каким могло быть утраченное послание няни Пушкину-лицеисту, воссоздать ее возможную речь.

Нередко Авенариус строит диалог, включая в него «подлинные речи» писателей (фрагменты их статей, писем, реплики, которые дошли в записках современников), тем самым следует декларируемому им принципу исторической достоверности. Таким образом он воссоздает разговор Державина с актером Дмитревским о трагедии, который происходит в имении поэта Званка, и сопровождает сцену сноской «Подлинные слова Державина», чтобы у читателя не возникло сомнения в достоверности происходящего.

Кроме того, Авенариус как бы забегает в будущее — показывает отголоски того или иного события, его укоренение в культурной памяти. С этой целью он часто завершает эпизод высказываниями более позднего времени. Так, в главе «Державин в лицее» он приводит слова Державина С. Т. Аксакову 1816 г.: «Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лицее перещеголял всех писателей» (в основе этого фрагмента — глава «Знакомство с Державиным» из «Воспоминаний» С. Т. Аксакова [Аксаков, т. 2, с. 318]), цитирует четвертую статью цикла «Сочинения Александра Пушкина» В. Г. Белинского.

Продумывает Авенариус изобразительный ряд — включает иллюстрации, в том числе пушкинские рисунки, портреты поэта и его окружения. Кроме того, он активизирует воссоздающее воображение читателя, делая косвенные отсылки к широко известным живописным полотнам. Так, Авенариус актуализирует в памяти читателя последний прижизненный портрет Г. Р. Державина, который был написан А. Васильевским осенью 1815 г. (лицейский экзамен состоялся 8 января 1815 г. [Цявловский, с. 71–72]). Именно таким — «в излюбленном им домашнем костюме: колпаке и халате, с Тайкой за пазухой» [Авенариус, 1913, с. 110], хотя видит его в парадном мундире — представляет себе Пушкин

Державина на экзамене. Последний портрет Державина в это время еще не написан, но читателю-современнику Авенариуса он был знаком по литографии Василия Рыбина 1822 г., которая получила широкое распространение. По ней и дорисовывает в своем воображении читатель внешний облик Державина.

Как отмечалось выше, главной задачей Авенариуса было рассказать о рождении Пушкина-поэта, а потому в своей дилогии он показывает не только жизнь Пушкина в лицее, но и моменты творчества, а так как лицей — поэтическая колыбель Пушкина, то узловыми событиями второй части дилогии стали литературный дебют в «Вестнике Европы», переводной экзамен, рождение стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», благословение Державина...

Большое внимание уделяет Авенариус литературным контактам Пушкина, его вхождению в круг поэтов и писателей. Так появляются эпизоды, в которых сходятся в общении Жуковский и Пушкин, Карамзин и Пушкин, дядя и племянник. Исследователи говорят о «двойном портрете» в этих главах, но по сути двойного портрета у Авенариуса не получается. Скорее, создается литературный портрет собеседника юного поэта. Пушкин в этих эпизодах прежде всего внимательный и благодарный слушатель, при этом на характер изображения общения Пушкина с собеседниками влияет его посмертное величие. Авенариус так расставляет акценты, что у читателя возникает впечатление, что Жуковский, Карамзин обращаются к Пушкину как к главному конфиденту их литературных замыслов, они с ним делятся сокровенным, как с самым близким и, главное, равным по таланту и масштабу другом. Пушкин даже дает им творческие советы, общается с ними не как младший со старшим, не как начинающий поэт с литературным авторитетом, а естественно и свободно, на равных — с Жуковским он даже на «ты». В результате создается ощущение искусственности таких диалогов, неестественности речевого поведения героев.

Когда Авенариус работал над дилогией, биография Пушкина не была еще так детально, как в настоящее время, изучена учеными. В ней оставалось много неясных, спорных моментов. В таких случаях Авенариус дает свою версию событий (например, находит свое обоснование сложного отношения Энгельгардта к Пушкину).

Как было указано выше, в 1998 г. дилогия Авенариуса была переиздана с комментариями — в них уточнялись фактические неточности, дополнялись биографические сведения о Пушкине, которые стали известны только в XX в. Фактические неточности, конечно, препятствовали восприятию, но они были устранимы уточняющими комментариями, поэтому не только неполнота знаний о Пушкине стала причиной того, что дилогия не вернулась в круг чтения. Сказались и другие факторы.

Во-первых, ярко выраженная оценочность, авторская субъективность в оценке людей и событий. В дилогии отчетливо проступают авторские симпатии и антипатии. Так, одним из явно «нелюбимых» Авенариусом людей в окружении Пушкина стал Кюхельбекер. Он изображен почти карикатурно, писатель утрирует его вспыльчивость, рассеянность, неуклюжесть, небрежность в одежде,

немецкое произношение. В его интерпретации Кюхля — своего рода литературный Молчалин: он заискивает перед Пушкиным, просит написать четверостишие о нем в «Пирующих студентах». Причины такой оценки понятны, но тенденциозность разрушала ту объективность, которую предполагает декларируемый Авенариусом принцип фактической достоверности и точности.

Во-вторых, подчеркнутая экзальтированность переживаний героев воспринималась как искусственная и нарочитая. Авенариус не просто рассказывает о событии, но и воссоздает психологическое состояние Пушкина — и воссоздает таким, каким, на его взгляд, оно должно было быть. При этом реакции героев вполне шаблонны («Вдруг кровь, как молотком, ударила ему в голову» [Авенариус, 1913, с. 34]), иногда даже комичны (Пушкин ждет номера «Вестника Европы» со своим стихотворением: «Протекли еще томительные недели. Пришла новая книжка "Вестника Европы". Хищным коршуном накинулся опять первым на нее Пушкин» [Там же]). Современным читателем подобная аффектированность эмоций воспринимается иронически.

Авенариус создавал свою дилогию в период расцвета психологической прозы, что сказывается и в используемых им способах изображения внутреннего мира героев его повестей. Они насыщены внутренними монологами. По сути, Авенариус показывает, как мог бы подумать Пушкин в той или иной ситуации, как мог бы выразить свои чувства и переживания. Вот, например, многословная и выспренная реакция поэта на первую публикацию: «Сколько раз ведь он перечеркивал, переделывал каждый стих! А теперь вот эти самые стихи нашли место в большом журнале среди статей заправских, всеми признанных писателей, точно так и быть должно, и смотрят на него из книги настоящими печатными литерами: ни слова в них уже не убавишь, не прибавишь... И по всей-то матушке Руси в это самое время тысячи читателей и читательниц перечитывают, может быть, эти рифмованные строки и — как знать? — рассуждают про себя: "Каков, однако, молодчина! Славно тоже рифмует! И интересно бы знать: кто этот новоявленный рифмотвор?"» [Там же, с. 35].

Конечно, мешало восприятию и акцентирование патриотических и верноподданнических чувств, которыми наделяет Авенариус Пушкина. Так, няня передает Пушкину образок Иверской Богоматери и несколько монет. Вот как в изложении Авенариуса Пушкин обращается с подарком: «...с безотчетным благоговением приложился... губами к святому лику, расстегнул ворот и надел на себя образок» [Там же, с. 9], а о деньгах, конечно, даже и не вспомнил. Урапатриотические и верноподданнические чувства переполняют лицеистов и на празднике в Розовом павильоне, когда происходит чествование императора, вернувшегося из Парижа после победы над Наполеоном. По сути, подобные эпизоды были нацелены на формирование у читателя-гимназиста «правильной» модели поведения в аналогичных ситуациях, что и требовалось от литературы подобного рода, когда пример великого человека становился образцом для выстраивания собственного поведения. Не случайно, рассказывая о жизни Пушкина после лицея, Авенариус, как и в случае с восстанием декабристов,

напрямую не называет годы в Михайловском ссылкой, а избирает нейтральное, но в то же время неточное обозначение: «Пушкин с 1824 года безвыездно поселился в селе Михайловском» [Авенариус, 1913, с. 326]. Оно не дает усомниться в благонадежности поэта, хотя и нарушает достоверность.

Так в повестях Авенариуса реализовывались две главные цели: просветительская и дидактическая. У школьников создавалось первое системное представление о жизни Пушкина, его творчестве, устанавливалась связь между биографией и сочинениями. В то же время в сознание ученика вкладывались «правильные» идеи и образцовые модели поведения.

Дилогия Авенариуса получила широкое распространение в ученической среде. Способы повествования, отбор материала для рассказа о судьбе Пушкина, выбор узловых событий его ранней биографии повлияли на последующую литературу. Е. Мякишева провела небольшой сравнительный анализ незаконченного романа Ю. Н. Тынянова «Пушкин» с дилогией Авенариуса и обнаружила в них ряд явных схождений, которые свидетельствовали, что Тынянов знал и учитывал художественный опыт предшественника. Характерен ее вывод: «Да, Тынянов, бесспорно, талантливее. Но первым был Авенариус» [Мякишева, с. 6]. Именно он заложил основы биографического повествования о лицейском периоде жизни Пушкина. И хотя дилогия «ушла» из круга детского чтения, приемы, открытые Авенариусом, продолжают использоваться современными авторами.

Источники

Авенариус В. П. Отроческие годы Пушкина: биографическая повесть. СПб. : Изд. книжного магазина П. В. Луковникова, [1909].

Авенариус В. П. Юношеские годы Пушкина: биографическая повесть. СПб. : Изд. книжного магазина П. В. Луковникова, [1913].

Авенариус В. П. О Пушкине: Биографическая дилогия. Литературные очерки. Лицейские стихотворения А. С. Пушкина / сост., вступ. ст., примеч. Т. Ф. Прокопова. М. : Школа-Пресс, 1998.

Аксаков С. Т. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Худож. лит., 1955. Т. 2.

Исследования

Винокур Г. О. Ранние биографии Пушкина // Книжные новости. Информационно-библиографический журнал КОГИЗа. 1937. № 1. С. 16–20.

Казанцева Г. В. «Пушкин» В. П. Авенариуса в контексте русской биографической литературы II половины XIX века // Вестник Коломенского института (филиала) Московского политехнического университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 96–104.

Лихачев Д. С. Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Лихачев Д. С. О филологии. М. : Высш. шк., 1989. С. 40–62.

Мякишева Е. В. П. Авенариус — писатель для юношества // Двенадцатые и тринадцатые открытые слушания «Института Петербурга». Ежегодные конференции по проблемам петербурговедения. 2005–2006 гг. / сост. Н. В. Скворцова, И. М. Сергеева ; ред. Н. В. Скворцова. СПб. : Ин-т Петербурга, 2006. С. 1–9.

Сурат И. З. Проблема биографии Пушкина // Сурат И. З. Пушкин: Биография и лирика: Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. М. : Наследие, 1999. С. 38–68.

Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1951.

Чудакова М. О. Авенариус Василий (Вильгельм) Петрович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М. : Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1 : А–Г. С. 16–17.

References

Chudakova, M. O. (1989). Avenarius Vasilii (Vil'gel'm) Petrovich [Avenarius Vasily (Wilhelm) Petrovich]. In P. A. Nikolaev (Ed.), *Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [Russian Writers, 1800–1917: A Biographical Dictionary] (Vol. 1, pp. 16–17). Moscow: Sovetskaia entsiklopedia.

Kazantseva, G. V. (2017). "Pushkin" V. P. Avenariusa v kontekste russkoi biograficheskoi literatury II poloviny XIX veka [*Pushkin* by V. P. Avenarius in the Context of Russian Biographical Literature of the Second Half of the 19th Century]. *Vestnik Kolomenskogo instituta (filiala) Moskovskogo politekhnicheskogo universiteta. Seriia: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 12, 96–104.

Likhachev, D. S. (1989). Printsip istorizma v izuchenii edinstva soderzhaniia i formy literaturnogo proizvedeniia [The Principle of Historicism in the Study of the Unity of the Content and Form of a Literary Work]. In D. S. Likhachev, *O filologii* [About Philology] (pp. 40–62). Moscow: Vysshaia shkola.

Myakisheva, E. (2006). V. P. Avenarius — pisatel' dlia iunoshestva [V. P. Avenarius, a Writer for Young People]. In N. V. Skvortsova (Ed.), N. V. Skvortsova, & I. M. Sergeeva (Comps.), *Dvenadtsatye i trinadtsatye otkrytye slushaniia "Instituta Peterburga". Ezhegodnye konferentsii po problemam peterburgovedeniia. 2005–2006 gg.* [The Twelfth and Thirteenth Open Hearings of the St Petersburg Institute. Annual Conferences on the Issues of St Petersburg Studies. 2005–2006] (pp. 1–9). St Petersburg: Institute of St Petersburg.

Surat, I. Z. (1999). Problema biografii Pushkina [The Problem of Pushkin's Biography]. In I. Z. Surat, *Pushkin: Biografiia i lirika: Problemy. Razbory. Zametki. Otkliki* [Pushkin: Biography and Lyrics: Problems. Analysis. Notes. Responses] (pp. 38–68). Moscow: Nasledie.

Tsyavlovsky, M. A. (1951). *Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina* [Chronicle of the Life and Work of A. S. Pushkin] (Vol. 1). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.

Vinokur, G. O. (1937). Rannie biografii Pushkina [Early Biographies of Pushkin]. *Knizhnye novosti. Informatsionno-bibliograficheskii zhurnal KOGIZa*, 1, 16–20.

Юхнова Ирина Сергеевна
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: yuhnova_nngu@mail.ru

Yukhnova, Irina Sergeevna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Russian Literature
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23, Gagarin Ave., 603022 Nizhny Novgorod, Russia
Email: yuhnova_nngu@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-2835-3070
Scopus AuthorID: 57216651709
WoS ResearcherID: AAD-1355-2020